УДК 338.1:330.56(100)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2019-2/60-75

А. Н. Лякин¹

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: a.lyakin@spbu.ru

ЛОВУШКА СРЕДНЕГО ДОХОДА И РОССИЙСКАЯ СТАГНАЦИЯ*

Аннотация. В статье рассматривается феномен ловушки среднего дохода. Выделяются три трактовки этого понятия, различающиеся по признакам его определения (переход от быстрого к медленному росту; невозможность перехода в группу стран более высокого дохода в течение длительного периода; темп роста, не допускающий конвергенции), частоте распространённости и потенциальным последствиям для экономики, попавшей в ловушку. Показаны расхождения в методологии выявления случаев ловушки среднего дохода, сложности количественных оценок при отнесении страны к различным доходным группам, выделения самих доходных групп. Дан обзор предлагаемых в литературе причин попадания экономик в ловушку среднего дохода: слабость институтов, препятствующая формированию стимулов для роста производств с высокой добавленной стоимостью; исчерпание факторов роста, обеспечивавших ускорение ранее, растущие требования к качественным параметрам факторов производства; результат макроэкономических шоков, меняющих траекторию роста и не компенсируемых в процессе посткризисного восстановления. Показаны тенденции роста стран среднего дохода в последнее десятилетие, замедление процессов догоняющего развития. Российская экономика в предшествующее десятилетие вплотную приблизилась к границе высокодоходных стран, а в настоящее время утрачивает свои позиции. Причиной утраты динамизма являются нестабильность экономического роста, слабая сопротивляемость внешним шокам. Переход от высокой волатильности к стагнации создают угрозу для

¹ Александр Николаевич Лякин, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории и экономической политики, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия.

Для цитирования: Лякин А. Н. Ловушка среднего дохода и российская стагнация // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2019. № 2. С. 60–75.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 8-010-00145.

тельного отставания от растущих экономик и реализации угрозы сценария ловушки среднего дохода для российской экономики.

Ключевые слова: российская экономика, ловушка среднего дохода, неравномерность экономического роста, конвергенция экономик, волатильность, стагнация.

A. N. Lyakin¹

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

E-mail: a.lyakin@spbu.ru

MID-INCOME TRAP AND RUSSIAN STAGNATION

Abstract. The article considers the phenomenon of the middle income trap. Three interpretations of this concept are distinguished, differing by the signs of its definition (transition from fast to slow growth; impossibility of moving into a group of higher income countries for a long period; growth rate that does not allow convergence), frequency prevalence and potential implications for the trapped economy. Differences in the methodology for identifying the cases of middle-income traps, the complexity of quantitative estimates when classifying a country as different income groups, and highlighting the income groups themselves are shown. A review of the literature suggested the reasons for falling into the middle income trap is given: the weakness of institutions that impedes the formation of incentives for the growth of enterprises with high added value; exhaustion of growth factors that provided acceleration earlier; growing demands on the quality parameters of production factors; the result of macroeconomic shocks that change the growth path and are not compensated in the process of post-crisis recovery. The growth trends of middle-income countries in the last decade, the slowdown of the processes of catching up development are shown. The Russian economy in the previous decade had come close to the border of highly profitable countries, and is currently losing ground. The loss of dynamism is caused by the instability of economic growth and poor resistance to external shocks. The transition from high volatility to stagnation poses a threat of a long lag behind growing economies and the realization of the threat of the middle-income trap scenario for the Russian economy.

Keywords: Russian economy, average income trap, uneven economic growth, convergence of economies, volatility, stagnation.

---

²Alexander N. Lyakin, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economic Theory and Economic Policy, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

For citing: Lyakin A.N. The middle-income trap and Russian stagnation // Pacific RIM: Economics, Politics, Law. 2019. No 2. P. 60–75.

Рост мировой экономики протекает неравномерно. Темпы роста меняются от страны к стране, по группам стран и в целом по миру в различное время. Хотя периоды длительной стагнации бывают во многих странах, различающихся по уровню экономического развития, особое внимание экономистов в последнее десятилетие привлекает ситуация, когда стагнация начинается в странах среднего дохода, которые ранее росли высокими темпами, сближаясь с развитыми экономиками. Интерес к этому феномену обусловлен оценкой перспектив возможного замедления китайской экономики, почти полуторавековым пребыванием в группе среднеразвитых стран ряда латиноамериканских государств, а также торможением роста экономики восточноевропейских стран, включая Россию, которые резко снизили темпы в последнее десятилетие. Вокруг существования эффекта замедления роста стран среднего дохода, форм его проявления, потенциальных причин его возникновения развернулись активные дискуссии, начиная с признания или непризнания существования этого феномена, трактовки понятия ловушки, количественных оценок границ уровня дохода (когда возникает угроза торможения), числа стран и периодов, когда можно фиксировать попадание той или иной экономики в эту ловушку. Для российской экономики, находящейся в стагнации после рецессии 2015–2016 гг., концепция ловушки среднего дохода важна в двух аспектах. Во-первых, насколько процессы замедления роста в России могут быть объяснены причинами попадания в ловушку среднего дохода, во-вторых, насколько неизбежно замедление китайской экономики, со всеми последствиями такого сценария для потенциала роста российской экономики в целом и её дальневосточного региона в особенности.

Трактовки «ловушки среднего дохода»

В соответствии с исходной постановкой модели [20] в процессе экономического роста должна происходить конвергенция экономик с различным уровнем дохода. Поскольку в странах догоняющего развития низкой капиталовооруженности труда будет соответствовать высокая предельная производительность капитала, это должно вести к расширению инвестиций и более высоким темпам роста, нежели в странах с оптимальной капиталовооруженностью труда. Между тем анализ процессов экономического роста в глобальной экономике показывает, что поддерживается постоянное, устойчивое соотношение уровней доходов по группам стран [1], сближение не происходит, а переход в группу богатых стран носит единичный характер – Сингапур, Республика Корея. Одной из причин сохранения разрыва между богатыми и среднеразвитыми странами называют «ловушку среднего дохода».

Идея о замедлении роста в странах среднего дохода была высказана впервые в докладе Всемирного банка, посвящённого развитию Южной Азии. «Страны среднего дохода растут менее быстро, чем богатые или бедные страны, и это объясняет отсутствие конвергенции в мировой экономике двадцатого века» [4, р. 5]. Это рас-

хождение в темпах роста объяснялось конкуренцией инноваторской продукции с высокой добавленной стоимостью, производимой развитыми странами, и дешёвыми ресурсами для производства традиционных отраслей, предлагаемыми странами бедными. В последующем понятие «ловушки среднего дохода» получило различные трактовки.

Первый подход связан с анализом внезапных переходов от роста к стагнации, что особенно часто происходит в странах среднего дохода. «Вероятность столкнуться с замедлением роста непропорционально высока у стран со средним доходом, и этот результат устойчив к широкому диапазону границ для определения «среднего дохода». В нашей выборке относительная частота эпизодов замедления для категории стран со средним уровнем дохода всегда значительно выше, чем для двух других категорий доходов» [14, р. 25]. Под ловушкой при этом понимается не общее замедление группы среднеразвитых стран по отношению к группе бедных и богатых экономик, а ситуация, когда быстрый рост страны, приближающейся к верхней границе среднего дохода сменяется стагнацией, удерживающей её в прежней группе [10]. В последней работе выделяются два интервала значений среднедушевого дохода, при попадании в которые возрастает вероятность перехода от роста к стагнации – от 10 000 долл. до 11 000 долл. и между 15 000 и 16 000 долл.

Во втором случае границы среднего дохода устанавливаются как относительно масштабов богатой экономики (США, средний внутренний валовой продукт (ВВП) на душу населения по странам ОЭСР и т.д.), так и в долларах США на определённый год по паритету покупательной способности (ППС), а под ловушкой среднего дохода понимается ситуация, когда в течение длительного времени страна остаётся в интервале среднего дохода, не переходя в группу богатых стран. Ловушка заключается в невозможности догнать страны богатой группы. При таком понимании концепция ловушки среднего дохода становится частью проблемы экономического роста. Наиболее характерный пример – это государства Латинской Америки (Аргентина, Бразилия, Колумбия находятся в верхней части группы стран среднего дохода по крайней мере последние 60 лет). Дж. Фелипе, А. Абдон, У. Кумар [12] по панели из 124 стран, данные по которым были для них доступны, группировали страны среднего дохода как страны с низким средним доходом – 38 стран (2 000 – 7 250 в долларах США по ППС 1990 г.), верхним средним доходом – 14 стран (7 250 – 11 500 долл.). При этом как таковой ловушки среднего дохода обнаружить не удалось, но время, необходимое для перехода из одной доходной группы в другую, может существенно различаться. В среднем страна с низким средним доходом остаётся в своей группе более 28 лет, а переход из группы верхнего среднего дохода в богатые страны занимает более 14 лет. Ловушку можно трактовать как длительность периода пребывания в группе среднеразвитых стран, превышающую 55 лет, хотя период задаётся в известной степени произвольно (исходя из среднего

срока, необходимого для перехода из одной группы в другую, сложившегося в предшествующие годы). Им и Розенблатт [16] показали, что переход из одной группы в другую не зависит от уровня дохода страны и определяется только соотношением темпов роста стран догоняющего развития и их устойчивостью. Они же отметили, что определение границ стран среднего дохода абсолютной фиксированной величиной заставляет сосредоточиться на выявлении причин стагнации, а не успехов или неудач в погоне за лидером.

Ещё один вариант трактовки ловушки среднего дохода предложен в работе Робертсон и Е [23]. Авторы рассматривают ловушку среднего дохода как ситуацию, при которой страна среднего дохода растёт темпом, равным темпу роста США, на протяжении длительного периода сохраняя неизменно отставание от лидера и удерживаясь в группе среднего дохода.

Проблемы количественных оценок

Проблемы возникают с выделения группы стран среднего дохода, определения её верхних и нижних границ. Использование абсолютных показателей, например, предлагаемых Мировым банком, при группировке стран по уровню дохода, оставляет вопрос о сопоставимости полученных данных. Границы выделяемых групп на 2019 г. определяются Всемирным банком следующим образом: к экономикам с низкими доходами относятся страны с ВНД на душу населения до 1 025 долл. США, к странам с низким средним уровнем дохода относятся те, чей ВНД на душу населения составляет от \$ 1 026 до \$ 3 995; экономики с верхним средним уровнем дохода имеют ВНД на душу населения в диапазоне от \$ 3 996 до \$ 12 375; ВНД на душу населения свыше этой границы имеют страны с высоким доходом [22]. Однако ВНД на душу населения, рассчитанный по текущему курсу в постоянных долларах на 2010 г., серьёзно зависит от колебаний валютного курса, и девальвация или ревальвация национальной валюты меняет показатели её роста безотносительно реальных тенденций. Устойчивая недооценка или переоценка валюты меняет место страны в международных сопоставлениях. Использование ППС при формировании группировок стран по уровню дохода и измерению темпов экономического роста серьёзно меняет их состав, соотношение уровней развития, а также темпов роста. Так Эйхенгрин, Парк и Шин [11] определяют границы группы стран среднего дохода в интервале от \$ 2 585 до \$ 17 600 по ППС.

Группировка стран по уровню дохода относительно некоторого ориентира позволяет оценивать в динамике соотношение уровней экономического развития и отслеживать переходы из одной группы в другую (как вверх, так и вниз). В качестве эталона предлагается использовать богатую экономику, которая растёт сбалансированным путём со скоростью, равной темпу роста мировой технологической границы [23]. Необходимым требованиям отвечает экономика США, растущая

средним темпом 1,8% последние 125 лет. Соответственно, меняется и определение ловушки среднего дохода. В качестве таковой рассматривается ситуация, когда страна, подушевой доход которой попадает в интервал страны среднего дохода, сохраняет неизменным отставание от богатой экономики. Та же проблема сохраняется при переходе к относительным показателям – если устанавливать границы через соотношение с подушевым ВВП США, то какой измеритель даст наиболее адекватную картину – ВВП, измеренный по текущему курсу или по ППС? Учитывая, что коэффициент пересчёта ППС к рыночному валютному курсу в странах среднего дохода редко превышает 0,5, а в странах с высоким доходом значительно отличается от единицы, смещение к верхней границе должно усиливаться сближением рыночного курса национальной валюты к курсу, рассчитанному по ППС. Используя в качестве ориентира экономику США, Атукорала и Ву [7] предложили индекс догоняющего развития, в соответствии с которым страны с валовым национальным доходом на душу населения в 55% от уровня США относятся к богатым экономикам, в интервале от 20% до 55% – к странам среднего дохода. Используя тот же сравнительный подход, Робертсон и Е [23] определили группировку стран среднего дохода в границах от 8 до 38% ВВП США, что позволило включить в выборку 46 из 189 стран (40%).

Определение состава группы стран среднего дохода существенно влияет на полученные результаты. Так, беспрецедентный сорокалетний непрерывный рост китайской экономики, с учетом её масштабов, искажает данные по группе в целом. Доля ВВП Китая в совокупном ВВП стран среднего дохода, рассчитанного в постоянных долларах 2010 г., составляет 40%, соответственно темпы роста всей группы в значительной степени определяются Китаем. Если учесть ещё и ускорение индийской экономики, трудно говорить об отставании стран среднего дохода от богатых стран.

Следующей задачей, разные варианты решения которой меняют оценки распространённости ловушки среднего дохода, является определение количественных критериев высокого темпа роста и, наоборот, стагнации. Абсолютные показатели не годятся для этих целей. Поскольку для мировой экономики в целом характерна неравномерность роста, то важно не само по себе ускорение или замедление той или иной экономики, а их соотношение с прочими странами со сходным, большим или меньшим уровнем дохода. Так, Б. Эйхенгрин [10] определяет – как признак попадания в ловушку среднего дохода – переход от продолжающегося в течение не менее семи лет роста с темпом не менее 3,5% к понизившимся после спада не менее чем на 2% темпам. Однако средние темпы роста стран среднего дохода в 60-е годы составляли 6,1%, а в 80-е – 2,8% [22]. Поэтому для одного периода рост в 3,5% будет означать отставание в экономическом развитии, для другого – опережение. При этом также сохраняются расхождения в оценках при использовании ППС или

текущих курсов. Так, укрепление национальной валюты в период быстрого роста будет искажать оценку темпов в сторону увеличения, а использование оценок по паритету покупательной способности будет сглаживать волатильность роста. Решением проблемы становится использование относительных показателей роста для выделения периодов замедления и перехода к стагнации.

Поскольку ловушка должна проявляться при сближении быстрорастущей экономики с верхней границей группы, то в длительном периоде в верхней части группы стран со средним доходом будут концентрироваться страны, растущие темпами, меньшими или равными средним по группе в целом. Более того, группа стран со средним доходом должна становиться наиболее многочисленной в мировой экономике. Это действительно соответствует реальности, при этом самыми быстрыми темпами росла численность стран среднего дохода в Азии [5], хотя значимый вклад в рост численности данной группы внесли страны Восточной Европы, включая бывшие республики Советского Союза и Югославии.

Причины попадания в ловушку среднего дохода

Многообразие подходов к определению ловушки среднего дохода, порогов перехода от одной категории стран к другой, методов оценок темпов роста, выделения моментов замедления порождает значительный разброс количественных оценок распространённости попадания стран в эту ловушку. Ряд исследователей считает, что само существование ловушки среднего дохода — это миф [13; 15; 24]. Робертсон и Е нашли только 7 стран из 46 за период наблюдений с 1950 г. по 2010 г., чей темп роста не показывал сходимости с экономикой США [23]. Эйхенгрин, Парк и Шин в интервале с 1957 г. по 2010 г. по панели из 187 стран обнаружили 36 стран во всех регионах мира, включая Европу, столкнувшихся с ловушкой среднего дохода [10].

Ещё меньше согласия между исследователями в вопросах о причинах возникновения торможения или устойчивого сохранения отставания от богатых стран. Три ключевых направления поиска связаны с несовершенством институтов, исчерпанием конкурентных преимуществ, порождающих экономический рост и нарастание макроэкономической турбулентности, когда торможение проявляется в возрастающей волатильности, которая может сменяться стагнацией.

Среди институциональных причин замедления темпов и перехода к стагнации называют слабую защиту прав собственности, искажённые стимулы к экономической деятельности, проблемы во взаимодействии государства с частным бизнесом, начиная от избыточного регулирования и коррупции и заканчивая ошибками в распределении ресурсов, дефицитом инфраструктурных услуг и общественных благ. В то же время убедительные эмпирические работы, связывающие институциональные проблемы с темпами роста, найти трудно. Очевидная сложность количественного измерения качества институциональной среды ведёт к необходимости исполь-

зовать фиктивные переменные в эконометрических расчетах. В качестве показателей применяются различного рода рейтинговые оценки либо результаты опросных программ.

Драйверы роста меняются, когда экономика выходит из состояния бедности, достигая среднего уровня дохода. Ряд преимуществ, обеспечивавших ранее быстрый рост, исчерпываются. Истощаются возможности увеличения производительности за счёт перемещения ресурсов из низкоэффективных секторов, подобных сельскому хозяйству, возрастают требования к уровню и качеству образования, а вместе с тем дорожает труд, возрастает спрос на качественную инфраструктуру, включая связь, финансы и т.д. Усложняются контрактные взаимоотношения, что требует соответствующей судебной защиты бизнеса [3]. Сложности инновационного процесса, неразвитость соответствующей инфраструктуры препятствуют созданию инноваций [8]. Национальные компании не способны генерировать собственные технологии, и, как следствие, проблемы перехода к производству продукции с высокой добавленной стоимостью порождают ограничения роста [9]. Особое внимание в работах по азиатским экономикам придаётся важности вложений в человеческий капитал, освоению новых навыков и знаний как необходимому условию для сохранения последовательного движения к высокому уровню дохода.

Торможение стран Центральной и Восточной Европы после кризиса 2008–2009 гг. получило объяснение в рамках концепции зависимого капитализма. В предшествовавший ему период быстрый рост обеспечивался инвестициями глобальных корпораций, при этом национальные компании стали жертвой обострённой конкуренции и были выдавлены с рынка. Многонациональные корпорации используют производства, уступающие по технологическому уровню тем, которые размещены в Западной Европе, инвестиции после кризиса сократились и идут только в сферы применения дешёвого труда. Низкая заработная плата ограничивает потенциал роста [19]. Иначе ситуацию трактует Андерс Ослунд, который считает, что никакой ловушки среднего дохода в Восточной Европе нет, поскольку проводимая политика обеспечивает либеральный режим работы рынков, приемлемую налоговую нагрузку и малый объём социальных обязательств. Проблемы проявляются в отставании в области исследований и разработок и снижении численности населения. Но утрата темпов компенсируется потерей населения, что позволяет увеличивать подушевой ВВП [6].

Переход от роста к стагнации происходит вследствие макроэкономических шоков, выражающихся либо в глубокой девальвации, либо рецессии, либо того и другого вместе, как это произошло в Малайзии и Таиланде вследствие азиатского кризиса, восточно-европейских странах после глобального кризиса 2007–2008 гг. Причина уязвимости экономик среднего дохода определяется однобокой структу-

рой выпуска, негибкой реакцией производства на изменение рыночных условий [17]. Протекающие здесь рецессии не компенсируются в период посткризисного восстановления, в итоге возрастающая волатильность фиксируется как снижение средних темпов роста [Martinet al, 2015].

Очевидно, что в случае со странами среднего дохода вся совокупность причин существует в реальности. Качество институтов в этих странах уступает тем, которые сложились в богатых странах, хотя бы потому, что эффективные институты требуют соответствующих затрат на обеспечение их функционирования. Дорожающие ресурсы не компенсируются растущей факторной производительностью. Структура экономики, как правило, далека от сбалансированной. В то же время значимость этих факторов различается, а соответственно должны настраиваться приоритеты экономической политики, препятствующей замедлению роста [18].

Страны среднего дохода: неравномерность роста, изменение места в мировом хозяйстве

Вопреки исходной посылке, породившей идею о существовании замедления роста в группе стран среднего дохода, их доля в мировой экономике расширяется, хотя в разное время темпы этого процесса существенно различались, и сама динамика группы в целом во многом определяется быстрым ростом азиатских экономик, прежде всего таких гигантов, как Китай и Индия. Более того, сужение группы богатых стран в мировом ВВП происходило при расширении самой этой группы во второй половине двадцатого столетия за счёт вхождения в неё таких крупных экономик, как Япония и Южная Корея. На рис. 1 представлены изменение структуры мирового ВВП по группам стран и динамика роста их ВВП. Рывок в экономическом развитии произошел в 2000-е годы, именно в это время китайская экономика переходит в верхнюю группу стран среднего дохода, ряд восточноевропейских экономик (Эстония, Польша, Словакия) пересекают границу группы стран с высоким доходом, а ещё целый ряд стран, включая Россию, к ней приближаются.

Тенденция ломается в последнее десятилетие, что во многом обусловило интерес к концепции ловушки среднего дохода. После увеличения доли стран верхнего среднего дохода в мировом ВВП в 2000-е годы, когда быстрыми темпами рост шёл во всех регионах, а не только в Азии, в начале текущего десятилетия относительный рост снизился в постсоциалистических странах Европы, Латинской Америке и сохранился только в азиатских экономиках среднего дохода. Хотя китайская экономика серьёзно замедлилась в последнее десятилетие – с 9,5% в среднем за предыдущее десятилетие до 7,2% в текущем, что соответствует формальному критерию ловушки среднего дохода Б. Эйхенгрин [10], с учётом её возрастающих масштабов, темпы остаются беспрецедентно высокими.

Рис. 1. Структура мирового ВВП по группам стран с различным уровнем дохода

В этом отношении российская стагнация, воспринимаемая как уникальный процесс, вызванный исключительно внутренними экономическими и внешними геополитическими проблемами российского развития, является частью глобальных процессов неравномерности экономического роста (рис. 2).

Рис. 2. Отношение ВВП на душу населения по странам к ВВП на душу населения стран с высоким доходом (1993–2018 гг., ВВП на душу населения по ППС в международных долл. 2011 гг.)

Аналогичная динамика характерна для большинства восточно- и центрально-европейских государств. Важно отметить, что первоначально снижение темпов было обусловлено «великой рецессией» 2007–2008 гг., которая почти не затронула бедные экономики и страны с низким средним доходом, но серьёзно ударила по экономикам верхнего среднего дохода и странам с высоким доходом. Однако развитые страны, имеющие высоко диверсифицированную экономику, гибкую финансовую систему и отработанные процедуры проведения контрциклической политики, перешли от рецессии к росту. В тесно связанных с ними экономиках Восточной и Центральной Европы также началось ускорение темпов роста.

Находится ли российская экономика в ловушке среднего дохода?

В рамках первых двух подходов к определению ловушки среднего дохода российская экономика может рассматриваться как классический пример её проявления.

К границе стран с высоким уровнем дохода Российская Федерация подходила в конце 80-х годов, формально эта граница превышалась с 2011 г. по 2014 г., когда ВВП на душу населения по текущему курсу превышал определяемый Всемирным банком порог вхождения в группу богатых стран. Не имея возможности оценить объёмы экономики РСФСР в составе СССР, можно всё же предположить, что по крайней мере с 60-х годов она относилась к группе стран с верхним средним доходом. То есть Россия остаётся страной среднего дохода по крайней мере последние 60 лет, что больше, чем в среднем необходимо для перехода от одной группы к другой. В этом отношении её положение сопоставимо со странами Латинской Америки.

Определению ловушки среднего дохода как резкого торможения экономики при приближении к порогу высокого дохода целиком отвечают особенности российской экономической динамики последнего десятилетия: увеличение волатильности экономического роста, переход от темпов, превышающих средние по группе стран в целом, к стагнации через рецессии 2008–2009 гг. и 2015–2016 гг., масштабные девальвации рубля, ведущие к снижению уровня жизни населения.

Мощные макроэкономические шоки, обусловленные колебаниями мировых цен на углеводороды, изменениями процентных ставок на мировых финансовых рынках и управляемой (2008–2009) или неуправляемой (2014) масштабной девальвацией приводили к рецессии, выход из которой происходил по меняющейся траектории – от среднегодовых темпов роста в цикле 1998–2008 гг. в 7,1% к 1,1% в 2009–2014 гг. и до 0,4% в текущем цикле [2]. Поскольку прогнозы на ближайшие годы, даже самые оптимистичные, не предполагают ускорения выше 2% в год, то очевидно, что в текущем цикле отставание России сохранится и она будет постепенно отодвигаться от порога развитых стран. Если в 2000-х годах российская экономика опережала средние темпы по группе на 2%, то сейчас начинает отставать от динамики группы стран среднего дохода.

Рассматривая причины ухудшения позиций страны в группе стран среднего дохода, важно заметить, что стагнация – относительно недавний процесс в нашем развитии, и её продолжительность также не очевидна. До настоящего момента главной проблемой была макроэкономическая неустойчивость, обусловленная спецификой отраслевой структуры, зависимостью от импорта по ряду ключевых позиций, слабостью финансовой системы.

Активный процесс вытеснения долларовых кредитов из портфелей российских корпораций не сопровождается их замещением, сопоставимым по условиям рублевых ресурсов. Умеренно жёсткая денежно-кредитная политика в сочетании с бюджетным профицитом задают спросовые ограничения.

С одной стороны, проводимая денежными и финансовыми властями политика позволила, по крайней мере на текущий момент относительно спокойной мировой экономической конъюнктуры, решить проблему снижения волатильности роста. Уменьшилась эластичность валютного курса по изменению цен на углеводороды. При почти 40%-ном снижении нефтяных цен в конце 2018 г. курс сдвинулся менее чем на 10%. Понижение инфляции до целевых значений Банка России или близких к ним и, что ещё важнее, снижение инфляционных ожиданий повышают устойчивость российской экономики к внешним шокам. Устойчивость роста с точки зрения долгосрочных перспектив развития – крайне важное свойство. Все страны, длительное время пребывающие в группе стран среднего дохода, прежде всего латиноамериканские государства, как раз отличаются неустойчивостью роста, частыми рецессиями и периодами восстановительного роста, не позволяющими вернуться к прежнему циклу. С другой стороны, выход на траекторию с высокими темпами экономического роста требует соответствующих целенаправленных усилий, прежде всего через стимулирование инвестиций частного сектора. Этот процесс не начнётся автоматически после затянувшегося периода стагнации, он требует соответствующих усилий со стороны Правительства, и национальные проекты здесь могут выступить только одним из потенциальных направлений разгона экономического роста.

Выводы

Ловушка среднего дохода и в настоящее время остается гипотезой, не имеющей точных количественных характеристик, доказательств существования этого феномена и однозначно трактуемых эмпирических данных. В то же время эта концепция концентрирует внимание экономистов на крайне существенной проблеме неравномерности экономического роста, причин возникновения длительных депрессий. Накопленные данные позволяют утверждать, что такого рода процессы чаще происходят в экономиках среднего уровня дохода, как в силу меньшей гибкости и несовершенства институтов, в рамках которых протекает экономический

рост, так и в силу структурных проблем усложняющейся экономики, тесно связанной с мировым хозяйством.

Российская экономика в очередной раз останавливается перед границей, отделяющей богатые страны от экономик среднего дохода. Затягивающаяся стагнация, фиксирующая её позицию в межстрановом сопоставлении, может стать серьёзной угрозой её удержания в ловушке среднего дохода на длительный период. При всей безусловной важности повышения качества институтов, решение проблемы ускорения экономического роста лежит прежде всего в плоскости улучшения макроэкономических условий и проводимой экономической политики.

Список литературы

1. Валовой внутренний продукт // Росстат. – URL: <https://gks.ru/storage/mediabank/tab3.htm> (дата обращения 05.09.2019).
2. Григорьев, Л. М. Экономическая динамика стран мира в 1992–2010 гг.: неравномерность роста / Л. М. Григорьев, Е. Н. Паршина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. : Экономика. – 2013. – № 4. – С. 70–86.
3. Agénor, P.-R. Caught in the middle? The economics of middle-income traps. – DOI 10.1111/joes.12175 // Journal of Economic Surveys. – 2017. – Vol. 31, no. 3. – P. 771–791.
4. An East Asian renaissance: ideas for economic growth / I. Gill, H. Kharas, D. Bhattachali [et al.] ; World Bank. – Washington, DC, 2007. – 365 p.
5. Asia's middle-income challenge: an overview / G. Estrada, X. Han, D. Park, S. Tian. – DOI 10.1080/1540496X.2017.1419427 // Emerging Markets Finance and Trade. – 2018. – Vol. 54, iss. 4. – P. 1208–1224.
6. Aslund, A. What happened to the economic convergence of Central and Eastern Europe after the global financial crisis? // Comparative Economic Studies. – 2018. – Vol. 60, № 2. – P. 254–270. – URL: <https://doi.org/10.1057/s41294-018-0060-x> (дата обращения: 12.09.2019).
7. Athukorala, P.-C. Malaysia in the middle-income trap / P.-C. Athukorala, W. Thye Woo // Asian Economic Panel Meeting, Columbia University, New York City (24th–25th March 2011). – New York, 2011. – Неопубл., слайд презентации.
8. Beyond institutional voids and the middle-income trap: The emerging business angel market in Malaysia / R. Harrison, W. Scheela, P. C. Lai, S. Vivekarajah // Asia Pacific Journal Management. – 2018. – Vol. 35. – P. 965–991.
9. Cherif, R. The Leap of the Tiger: escaping the middle-income trap to the technological frontier / R. Cherif, F. Hasanov. – DOI 10.1111/1758-5899.12695 // Global Policy. – 2019. – Vol. 7. – P. 1–15.
10. Eichengreen, B. Growth slowdowns redux / B. Eichengreen, D. Park, K. Shin // Japan and the World Economy. – 2014. – Vol. 32. – P. 65–84.

11. Eichengreen, B. The landscape of economic growth: do middle-income countries differ? / B. Eichengreen, D. Park, K. Shin. – DOI 10.1080/1540496X.2017.1421939 // *Emerging Markets Finance and Trade*. – 2018. – Vol. 54, iss. 4. – P. 836–858.
12. Felipe, J. Tracking the middle-income trap: what is it, who is in it, and why? / J. Felipe, A. Abdon, U. Kumar // *The Levy Economics Institute WP*. – 2012. – Vol. 715. – P. 1–60.
13. Felipe, J. Middle-income transitions: trap or myth? / J. Felipe, U. Kumar, R. Galope. – Manila : Asian Development Bank (ADB), 2014. – (ADBEconomics Working Paper Series ; № 421). – URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/149903/ewp-421.pdf> (дата обращения: 10.10.2019).
14. Growth slowdowns and the middle-income trap / S. Aiyar, R. Duval, D. Puy [et al.]. – DOI 10.1016/j.japwor.2018.07.001 // *Japan and the World Economy*. – 2018. – Vol. 48. – P. 22–37.
15. Hartwell, Ch. Old wine and new bottles: A critical appraisal of the middle-income trap in BRICS countries. – DOI 10.3897/j.ruje.4.27726 // *Russian Journal of Economics*. – 2018. – Vol. 4. – P. 133–154.
16. Im, F. Middle-income traps: a conceptual and empirical survey / F. Im, D. Rosenblatt // *Journal of International Commerce, Economics and Policy*. – 2015. – Vol. 6, iss. 3. – P. 1–39.
17. Lin, J. Y. Industrial policies for avoiding the middle-income trap: a new structural economics perspective. – DOI 10.1080/14765284.2017.1287539 // *Journal of Chinese Economic and Business Studies*. – 2017. – Vol. 15, iss. 1. – P. 5–18.
18. Martin, R. Potential output and recessions: are we fooling ourselves? / R. Martin, T. Munyan, B. A. Wilson // *International Finance Discussion Papers* 1145. – URL: <http://dx.doi.org/10.17016/IFDP.2015.1145> (дата обращения: 11.10.2019).
19. Myant, M. Dependent capitalism and the middle-income trap in Europe and East Central. – DOI 10.2478/ijme-2018-0028 // *International Journal of Management and Economics*. – 2018. – Vol. 54, iss. 4. – P. 291–303.
20. Solow, R. M. A contribution to the theory of economic growth // *Quarterly Journal of Economics*. – 1956. – Vol. 70, iss. 1. – P. 65–94.
21. The World Bank Country and Lending Groups. – URL: <https://datahelpdesk.worldbank.org/knowledgebase/articles/906519> (дата обращения: 19.07.2019).
22. The World Bank. – URL: <http://databank.worldbank.org/data/views/reports/tableview.aspx> (дата обращения: 16.08.2019).
23. Ye, L. On the existence of a middle-income trap / L. Ye, P. Robertson. – DOI 10.1111/1475-4932.12245 // *Economic Record*. – 2016. – Vol. 92, iss. 297. – P. 173–189.
24. Yusuf, S. Middle-income countries: trapped or merely slowing? – DOI 10.1111/apel.12190 // *Asian-Pacific economic literature*. – 2017. – Vol. 31, iss. 2. – P. 19–29.

References

1. Gross domestic product. *Rosstat*. Available at: <https://gks.ru/storage/mediabank/tab3.htm> (accessed 05 September 2019).
2. Grigor'ev L.M., Parshina E.N. Ekonomicheskaya dinamika stran mira v 1992–2010 gg.: neravnomernost' rosta [Economic dynamics across countries in 1992–2010: growth divergence]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika* [Bulletin of St. Petersburg University. Economy], 2013, no. 4. pp. 70–86.
3. Ag'enor P.-R. Caught in the middle? The economics of middle-income traps. *Journal of Economic Surveys*, 2017, vol. 31, no. 3, pp. 771–791. doi: 10.1111/joes.12175.
4. Gill I., Kharas H., Bhattasali D. et al. *An East Asian renaissance: ideas for economic growth*. Washington, DC, 2007. 365 p.
5. Estrada G., Han X., Park D., Tian S. Asia's middle-income challenge: an overview. *Emerging Markets Finance and Trade*, 2018, vol. 54, iss. 4, pp. 1208–1224. doi: 10.1080/1540496X.2017.1419427.
6. Aslund A. What happened to the economic convergence of Central and Eastern Europe after the global financial crisis? *Comparative Economic Studies*, 2018, vol. 60, no. 2, pp. 254–270. Available at: <https://doi.org/10.1057/s41294-018-0060-x> (accessed 12.09.2019).
7. Athukorala P.-C., Woo W.T. Malaysia in the middle-income trap. *Asian Economic Panel Meeting, Columbia University, New York City (24th–25th March 2011)*. New York, 2011. [Unpublished, presentation slide].
8. Harrison R., Scheela W., Lai P.C., Vivekarajah S. Beyond institutional voids and the middle-income trap: The emerging business angel market in Malaysia. *Asia Pacific Journal Management*, 2018, vol. 35, pp. 965–991.
9. Cherif R., Hasanov F. The Leap of the Tiger: Escaping the Middle-income Trap to the Technological Frontier. *Global Policy*, 2019, vol. 7, pp. 1–15. doi: 10.1111/1758-5899.12695.
10. Eichengreen B., Park D., Shin K. Growth slowdowns redux. *Japan and the World Economy*, 2014, vol. 32, pp. 65–84.
11. Eichengreen B., Park D., Shin K. The landscape of economic growth: do middle-income countries differ? *Emerging Markets Finance and Trade*, 2018, vol. 54, iss. 4, pp. 836–858. doi: 10.1080/1540496x.2017.1421939.
12. Felipe J., Abdon A., Kumar U. Tracking the middle-income trap: what is it, who is in it, and why? *The Levy Economics Institute WP*, 2012, vol. 715, pp. 1–60.
13. Felipe J., Kumar U., Galope R. *Middle-income transitions: trap or myth?* Manila : Asian Development Bank (ADB), 2014. (ADBEconomics Working Paper Series; no. 421). Available at: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/149903/ewp-421.pdf> (accessed 10 December 2019).

14. Aiyar S., Duval R., Puy D., Wu Y., Zhang L. Growth slowdowns and the middle-income trap. *Japan and the World Economy*, 2018, vol. 48, pp. 22–37. doi: 10.1016/j.japwor.2018.07.001.
15. Hartwell Ch. Old wine and new bottles: A critical appraisal of the middle-income trap in BRICS countries. *Russian Journal of Economics*, 2018, vol. 4, pp. 133–154. doi: 10.3897/j.ruje.4.27726.
16. Im F., Rosenblat D. Middle-income traps: a conceptual and empirical survey. *Journal of International Commerce, Economics and Policy*, 2015, vol. 6, iss. 3, pp. 1–39.
17. Lin J.Y. Industrial policies for avoiding the middle-income trap: a new structural economics perspective. *Journal of Chinese Economic and Business Studies*, 2017, vol. 15, iss. 1, pp. 5–18. doi: 10.1080/14765284.2017.1287539.
18. Martin R., Munyan T., Wilson B.A. Potential output and recessions: are we fooling ourselves? *International Finance Discussion Papers 1145*. Available at: <http://dx.doi.org/10.17016/IFDP.2015.1145> (accessed 11.10.2019).
19. Myant M. Dependent capitalism and the middle-income trap in Europe na East Central. *International Journal of Management and Economics*, 2018, vol. 54, iss. 4, pp. 291–303. doi: <https://DOI.org/10.2478/ijme-2018-0028>.
20. Solow R.M. A contribution to the theory of economic growth. *Quarterly Journal of Economics*, 1956, vol. 70, iss. 1, pp. 65–94.
21. The World Bank Country and Lending Groups. Available at: <https://datahelpdesk.worldbank.org/knowledgebase/articles/906519> (accessed 19 July 2019).
22. The World Bank. Available at: <http://databank.worldbank.org/data/views/reports/tableview.aspx> (accessed 16 August 2019).
23. Ye L., Robertson P. On the existence of a middle-income trap. *Economic record*, 2016, vol. 92, iss. 297, pp. 173–189. doi: <https://doi.org/10.1111/1475-4932.12245>.
24. Yusuf S. Middle-income countries: trapped or merely slowing? *Asian-Pacific economic literature*, 2017, vol. 31, iss. 2, pp. 19–29. doi: 10.1111/apel.12190.